

О

т забвения Алексея Кольцова спас Виссарион Белинский. Перу великого критика принадлежат всего лишь две статьи о русском поэте — «Стихотворения Кольцова» и «О жизни и сочинениях Кольцова». Но каких! Первая статья опубликована при жизни поэта в журнале «Телескоп» в 1835 году, вторая увидела свет в 1846 году, через четыре года после его смерти. По свидетельству одного из современников, Кольцов говорил о Белинском: «Я обязан всем ему: он меня поставил на настоящую дорогу».

После кончины поэта Виссарион Григорьевич собрал его стихотворения, написанные в 1827–1842 годах, и издал их отдельной книгой. «Стихотворения Кольцова. С портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, писанною В. Белинским» — таково полное название книги. Вышла она в Санкт-Петербурге в 1846 году. Издателями книги выступили известный русский поэт, редактор Николай Алексеевич Некрасов и поэт, редактор Николай Яковлевич Прокопович, более известный как редактор первого четырехтомного «Собрания сочинений» Н.В. Гоголя.

Характерно, что в дореволюционной России стихотворения А.В. Кольцова издавали многие известные книгоиздатели, что свидетельствовало о большой популярности и массовом распространении произведений воронежского поэта.

В фондах Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова хранится девять дореволюционных изданий стихотворений А.В. Кольцова. Самый ранний сборник стихотворений А.В. Кольцова, хранящийся в отделе редкой книги, датируется 1877 годом. Это второе издание книги «А.В. Кольцов: его жизнь и сочинения». Осуществил его известный московский издатель Николай Иванович Мамонтов. В ней статья о жизни и творчестве Алексея Кольцова (без указания автора) и 17 стихотворений поэта.

Еще один сборник «Стихотворения А.В. Кольцова» датируется 1880 годом и представляет собой седьмое издание, которое осуществил другой не менее известный московский издатель Козьма Терентьевич Солдатенков. В нем 200 страниц. В этом сборнике опубликованы отрывок из статьи В. Белинского о жизни и сочинениях поэта и 124 стихотворения, среди которых получившие широкую известность: «Кольцо», «Песня пахаря», «Урожай», «Разлука» и другие. Солдатенков, собственно говоря, повторял из года в год издание стихотворений А. Кольцова, подготовленное В. Белинским. На книге сохранился хорошо читаемый штамп «Ученическая библиотека Ставропольской гимназии».

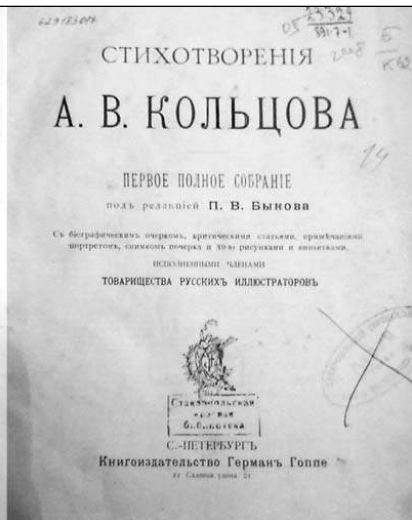
Сборник «Стихотворения А.В. Кольцова», напечатанный в московской типографии О.И. Лашкевича в 1892 году, повторяет издание 1880 года. В этом издании опубликованы тот же отрывок из статьи В. Белинского о жизни и сочинениях поэта и 124 стихотворения А.Кольцова.

В 1892 году Санкт-Петербургское книгоиздательство Германа Гоппе (улица Садовая, 22) предложило читателям первое полное собрание стихотворений А.В. Кольцова с предисловием, биографическим очерком, критическими статьями В.Г. Белинского и В.Н. Майкова, примечаниями, портретами отца, матери поэта, портретом самого Кольцова в юности, снимком почерка и 39-ю рисунками и виньетками, исполненными членами Товарищества русских иллюстраторов. Книга издана под редакцией Петра Васильевича Быкова, редактора журнала «Русское богатство», русского поэта, прозаика, переводчика, историка литературы, известного библиофила. Быков впервые предложил, оформил и расположил в этой книге 146 стихотворений Кольцова по годам их создания — с 1827-го по 1840 год.

В 1905 году в серии «Русская классная библиотека», издаваемой под редакцией А.Н. Чудинова, в Санкт-Петербургской типографии И. Глазунова (улица Казанская, 8) напечатали книгу «А.В. Кольцов (1809–1842). Стихотворения». В нее вошли этюды В.Г. Белинского и В.Н. Майкова о Кольцове и 87 стихотворений поэта. Книга издана как пособие при изучении русской литературы. Это был XXIX выпуск.

Следующая книга «А.В. Кольцов. Полное собрание сочинений. Под ред. и с примеч. А.И. Лященко. Акад. 6-ка русских писателей» вышла к 100-летию со дня рождения поэта в Санкт-Петербурге в 1909 году. Это было издание из разряда изящной словесности Императорской Академии наук. В нем 472 страницы. В книгу вошло 158 стихотворений поэта, расположенные по годам с 1827-го по 1840 год, 70 писем А.В. Кольцова, портреты, рисунки, факсимиле, репродукция знаменитого 1838 года рисунка П.Ф. Бореля «Литературный вечер у П.А. Плетнева, на котором присутствовал А.В. Кольцов».

Это был первый выпуск «Академической библиотеки русских писателей». В продажу он поступил в сентябре того же года. 15-тысячный тираж разошелся мгновенно. В октябре того же года издание было повторено тиражом 20 тысяч экземпляров. Разошлось оно в течение 1909-1910 годов. Третье академическое издание сочинений А. Кольцова подготовлено Императорской Академией наук в 1911 году. Печаталось оно в типографии Императорской Академии наук и в Государственной типографии.

Первое полное собрание стихотворений Алексея Кольцова
под редакцией П.В. Быкова

Один экземпляр этого издания хранится в отделе редкой книги Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. В следующих выпусках «Академической библиотеки русских писателей» напечатали сочинения М.Ю. Лермонтова (со 2-го по 6-й), А.С. Грибоедова (с 7-го по 9-й).

II

Алексей Васильевич Кольцов прожил короткую жизнь — тридцать три года. Родился он 3 (15) октября 1809 года в Воронеже, а умер 29 октября (10 ноября) 1842 года, похоронен на Митрофаньевском кладбище в Воронеже. Но за столь короткую жизнь он успел сделать столько, что заслужил в веках благодарную память потомков. Его литературное наследие, тщательно собранное почти за два века исследователями, включает стихотворения, песни, думы, пословицы и поговорки, записанные им, письма, адресованные современникам.

Отец поэта Василий Петрович Кольцов (1775–1852) был прасолом. В наше время разве что специалист может объяснить значение слова «прасол». В «Толковом словаре» В.И. Даля можно прочесть, что «прасол» — это «скупщик мяса и рыбы для розничной, мелочной распродажи; гуртовщик, торговец скотом; перекупщик». Первоначально прасолы занимались скупкой свиней у населения. «Прасол» происходит от слова «прасе» (свинья). Иными словами — воронежский мещанин Василий Кольцов был посредником между базарным продавцом с возу и местным скупщиком, между последним и оптовым покупателем. Заниматься в девятнадцатом веке «прасольством» — значит «прашить», «прашничать», если проще, то «добывать» и «промышлять».

Отец поэта слыл в Воронежской губернии честным партнером в торговых делах. По воспоминаниям Алексея Кольцова, отец его — «человек простой, купец, спекулянт, вышел из ничего, рожь молотил на обухе». Кроме прасольства, он занимался скотоводством, арендовал земли для посева хлебов, скупал леса под сруб, торговал дровами, поставял сырье на салотопенные заводы. Торговое дело отца было не из легких. И ему нужен был надежный помощник в его купеческих делах. Мария, старшая дочь Василия

Петровича — отрезанный ломоть, на младших — сына Владимира и дочерей Анну, Анисью, Александру — не приходилось рассчитывать по их малолетству.

О матери поэта Прасковье Ивановне Кольцовой (1784–1861) современники отзывались как о доброй, но необразованной женщине. Она не знала даже грамоты. «Мать была неграмотна, но всеми почитаема за здравый ум», — рассказывал Иван Федорович Андронов, муж Александры Васильевны, младшей сестры поэта. Мать занималась домашним хозяйством, воспитанием детей, спасала Алексея, была «во всем с сыном заодно», нежно заботилась о нем, оберегая его от крутого нрава «батеньки». Из писем Кольцова к Белинскому видно, как поэт глубоко уважал и любил свою мать, ценил ее природный ум и доброе сердце.

Отец же любил, чтобы в семье его боялись, трепетали и рабелепствовали перед ним. И от Алексея, на которого пал выбор Василия Кольцова, он требовал почтительности и беспрекословного повиновения.

«Мы все считали его за чистого самодура. Человек он был грубый, упрямый до того, что по отзыву одного из приказчиков..., если и видел, что говорят правду, так все-таки настаивал на своем, не смей перечить, что бы ни говорил хозяин...» — писал о Василии Петровиче близко знавший его П.Д. Трясоруков (письмо от 6 марта 1877 г.) литератору М.Ф. Де-Пуле, издавшему в 1878 году книгу «Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке».

А вот какой портрет отца поэта оставил близко знавший его купец И.Г. Милентьев: «Худой, сильно сгорбленный старик ходил летом в халате оливкового цвета, в высокой поповской пуховой шляпе, зимой в теплом тулупе и опять в меховой поповской шапке; и зимой и летом подпоясан красным с бахромой кушаком. Взгляд у старика умный, но лукавый, и речь была лукавая, льстивая. Со своею поговоркою «Сокोल ясный» он проводил всякого. Но был аккуратен в делах и всегда оправдывал доверие. Доверяли ему все богачи Воронежа, и купцы, и дворяне. Этим доверием он составил себе состояние» (письмо от 25 января 1877 года).

Поначалу В.П. Кольцов отдал одиннадцатилетнего сына в Воронежское уездное училище. Алексей овладел грамотой и чтением самостоятельно, на дому и, минуя приходское училище, сразу поступил в двухклассное уездное.

Виссарион Белинский об уровне образования Алексея Кольцова писал буквально следующее: «Не знаем, каким образом был он переведен во второй класс, и вообще чему он научился в этом училище, потому что как ни коротко мы знали Кольцова лично, но не заметили в нем никаких признаков элементарного образования».

Суровую оценку В.Г. Белинского смягчает архивный документ. В Государственном архиве Воронежской области почти два века хранится ведомость об учениках первого класса Воронежского уездного училища от 1 февраля 1821 года, составленная учителем, титулярным советником Василием Емельяновичем Емельяновым. В ней значатся имена и фамилии 37 мальчиков. Среди них — Алексей Кольцов. Он записан между восемнадцатой и девятнадцатой фамилиями учеников. В графе «Лета» напротив его фамилии стоит цифра «10». В следующей графе «Когда поступил в класс» читаем: «1 августа 1820 года». В графе «Состояние родителей» отмечено: «Купец». Способности каждого ученика в те времена отмечались четырьмя оценками: «остр», «понятен», «средствен», «слаб». Оценка по поведению «хорош». Оценка «остр» — самая высокая. Из 37 учеников первого класса такой оценки удостоились лишь четверо. Среди них Алексей Кольцов. В программе, кроме вероучения, Кольцов изучал начала российской грамматики, арифметики, латинского и немецкого языков, упражнялся в чистописании, рисовании. Вместе с Алексеем Кольцовым в классе учились сыновья дворян, обер-офицеров, купцов, разночинцев, казенных поселян. Из 37 учеников первого класса, в котором учился Кольцов, во второй класс были переведены только 23. Но способности старшего сына в учебе отец не оценил. Он забрал его из второго класса: читать и писать, мол, научился, чего же еще больше знать надо праслоу? На этом его образование и закончилось. Коль-

цов, не осмысливший толком даже орфографии, почти не знавший грамматики, всю жизнь наверстывал недостаток знаний самообразованием.

Юный Кольцов особенно любил чтение. Его первые прочитанные книги — про Бову Королевича, Еруслана Лазаревича, Емелю-дурачка, — которые он купил на полученные от родителей деньги на лакомства и игрушки. У Кольцова, как отмечали его современники, велика была тяга к культуре. И по мере того, как он овладевал культурой, чтение стало его главной отрадой.

Как только у Алексея появлялись деньги, он шел в книжную лавку известного на весь Воронеж книгопродавца Дмитрия Кашкина. Книжная лавка располагалась на улице Пушкинской, на углу Щепной площади. В ней продавались книги, ноты. Это была первая в Воронеже книжная лавка. При ней же Дмитрий Кашкин открыл и библиотеку. Публичной библиотеки в Воронеже в те годы не было. Книжная лавка Д.Кашкина была для городской молодежи своего рода клубом. Книги в ней выдавались на дом, принималась подписка на журналы.

Дмитрию Кашкину — тридцать три, Алексею Кольцову — шестнадцать, когда они познакомились. Дмитрий Кашкин интересовался русской литературой, много читал и сам писал стихи. На этой почве он и сошелся с юным Алексеем Кольцовым, который с 1825 года регулярно посещал книжную лавку, давал юноше возможность бесплатно пользоваться книгами из своей библиотеки. В лавке Кашкина Кольцов познакомился с поэзией Ломоносова, Державина, Богдановича, а затем Мерзлякова, Дельвига, Жуковского, Пушкина...

О Дмитрию Кашкине современники отзывались, как о прямом, умном и честном человеке, за это и любила его молодежь города. Исследователи жизни и творчества Алексея Кольцова полагают, что свои первые опыты в стихосложении он показывал Дмитрию Кашкину. Известно, что в 1825 году, в шестнадцать лет, Кольцов написал свое первое стихотворение «Три видения». Написанное в подражание поэта Ивана Дмитриева, сборник стихов которого он приобрел на базаре в том же 1825 году, оно не сохранилось. Алексей Кольцов уничтожил его.

Из дошедших до наших дней самые ранние стихотворения Кольцова относятся к 1827 году: «Сирота», «Ровеснику», «Песня». Стихотворения «Разуверение», «Плач» — юношеский опыт Алексея Кольцова 1829 года, «Земное счастье» — 1830 года. По мнению исследователей творчества поэта, ранние стихотворения Кольцова слишком «литературны, вторичны, написаны в подражание популярной sentimentalno-романтической поэзии». И все же даже в ранних стихотворениях, таких как «Путник», «Ночлег чумаков» 1828 года, они отмечали проблески самобытного дарования.

В 1829 году Кольцов посвятил два стихотворения Дмитрию Кашкину: «На отъезд Д.А. Кашкина в Одессу» и «Письмо к Д.А. Кашкину» — это была благодарность Дмитрию Антоновичу, библиотекой которого Алексей Васильевич пользовался безвозмездно в течение пяти лет. Чтение в эти годы было для него «лучом света в темном царстве» прасольских, купеческих дел отца. С двенадцати лет поэт помогал отцу и часто брал на себя всю тяжесть его торговых и тяжбных дел.

«Батенька два месяца в Москве продает быков, — писал Алексей Кольцов. — Дома я один, дел много: покупаю свиней, становлю на винный завод на барду; в роще рублю дрова; осенью пахал землю; на скорую руку езжу в селы; дома хлопочу с зари до полночи».

Перед его глазами проходили гурты скота, который скупал его отец, он видел жестокие картины расправы над быками на бойне, видел кровь, ездил по базарам, «обманивал людей и иногда подличал», как скажет позднее он сам. Алексей Кольцов отлично знал воронежскую Россию, нравы местного купечества, представителей мещанства, психологию пахаря-труженика... Алексей Кольцов, по рассказам его современников, — мечтатель, поэтическая натура, чуткая и впечатлительная душа, вынужден был заниматься делами низменного торга, вникать в суды-пересуды купцов, в лукав-

ство и азарт купли-продажи, входите в скотные дворы... В одном из писем, адресованных издателю А.В. Краевскому, поэт называет себя «торгашом-горемыкой».

О своих переживаниях, о печали, которая заполняла до краев народную жизнь, Алексей Кольцов однажды напишет: «...вся причина — эта суша, это безвременье нашего края, настоящий и будущий голод. Все это как-то ужасно имело нынешнее лето на меня большое влияние или потому, что мой быт и выгоды тесно связаны с внешней природою всего народа. Куда ни глянешь — везде унылые лица; поля, горелые степи наводят на душу уныние и печаль, и душа не в состоянии ничего ни мыслить, ни думать».

Пережитая поэтом в юности драма, когда его отец Василий Кольцов, узнав, что сын влюбился в служанку-красавицу, продал ее, глубокой болью отозвалась в душе Алексея Кольцова. Девушку насильно выдали замуж. Она не вынесла такого унижения и вскоре умерла. Алексей Кольцов, заболев горячкой, так и не оправился до конца дней жизни от мук несчастной любви.

«...поэт разделил судьбу многих тысяч таких же, как он, горьких, обездоленных людей, страстно пожелавших счастья, но встретивших непреодолимые препятствия», — писал Владимир Прокопьевич Аникин, литературовед, филолог-фольклорист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

От семейной тирании, жестокосердия и невежества поэта спасала природная чуткость и ощущение прекрасного. Жизнь, несмотря на трудности, груз житейских забот, одаривала, очаровывала Кольцова, вызывая у него прилив творческих сил. Разъезжая по купеческим делам отца, Алексей все чаще и чаще оставался один на один с природой. Детские, отроческие и юношеские впечатления — воронежская степь, напоенный запахом трав ветер, ночи, проведенные под открытым небом, езда верхом, журчание ручья, дым костра, запах сваренной каши, услышанные песни, прочитанные книги из библиотеки его товарища, бредущее по степи стадо, речь погонщиков — делали из Кольцова поэта. Поддержанный в начале творческого пути воронежским семинаристом, начинающим поэтом, почти ровесником Андреем Сребрянским (А. Сребрянский родился в 1808 г. — Н.Б.), который впоследствии стал самым близким другом, Кольцов стал посещать основанный им литературно-философский кружок, где познакомился с профессорами семинарии П.И. Ставровым и А.Д. Вельяминовым. Именно Андрею Сребрянскому, автору статьи «Мысли о музыке» и популярной некогда студенческой песни «Быстры, как волны, дни нашей жизни», Алексей Кольцов обязан первым урокам философского мышления и рождению стихотворений «Великая тайна», «Божий мир», «Молитва» — предвестников будущих «дум». Сребрянский относился к другу серьезно, помогал ему словом и делом.

«Вместе с ним мы росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили», — вспоминал Кольцов. В 1829 году Кольцов посвятит одно стихотворение другу юности «Не посуди: чем я богат, последним поделиться рад...»

Другой начинающий русский поэт Василий Сухачев, остановившийся у Дмитрия Кашкина проездом из Одессы в Москву, познакомился с Кольцовым и поместил четыре его стихотворения «Не мне внимать напев волшебный...», «Мщенье», «Приди ко мне», «Разуверение» в сборнике «Листки из записной книжки Василия Сухачева», изданном в 1830 году. Опубликовать-то опубликовал, но без имени автора.

А в 1831 году Кольцов вышел со своими произведениями в большую литературу. Московская газета «Листок» опубликовала первые стихотворения поэта-самородка под его фамилией «Вздых на могиле Веневитинова», «Мой друг, мой ангел милый...», «К N...»

В том же 1831 году, 20 мая, стихотворение Алексея Кольцова «Кольцо. Песня» напечатала столичная «Литературная газета», основанная А.С. Пушкиным и А.А. Дельвигом. Стихи в газету передал восемнадцатилетний Николай Станкевич, впоследствии известный российский философ и литератор, основатель и руководитель московско-

го литературно-философского кружка. Случайное знакомство с Николаем Станкевичем оказало большое влияние на творчество и последующую судьбу поэта из Воронежа. Николай Владимирович Станкевич (1813—1840) родился в дворянской семье в городе Острогожске, закончил там уездное училище, продолжил образование в частном пансионе в Воронеже, окончил Московский университет по словесному отделению. Помещичье имение Станкевичей находилось в селе Удеревке недалеко от Острогожска (ныне это село в Алексеевском районе Белгородской области. — *Н.Б.*). В этом селе и состоялось знакомство Станкевича с Кольцовым, когда он пригнал свое коровье стадо на принадлежавший Станкевичам винокуренный завод для откорма бардой. О необычном прасоле-стихотворце Станкевичу рассказали его работники. Он пригласил поэта к себе, долго с ним беседовал. Правда, есть и другие сведения о знакомстве молодых людей. Якобы Станкевич впервые увидел в читальном зале Воронежской библиотеки юношу в простонародной одежде. На вопрос Станкевича, кто этот юноша, библиотекарь сказал ему, что это мещанин Кольцов — сын прасола, посещал уездное училище только год, но очень часто приходит читать книги. Позднее в одном из писем Белинскому Кольцов писал, что мечтает хорошенько изучить русскую и мировую историю, научиться говорить и писать по-немецки, что хочет прочитать Шекспира, Гете, Байрона, Гегеля, изучить астрономию, географию, ботанику, физиологию и зоологию...

При первом знакомстве Станкевича удивили, поразили и очаровали песни-стихи Кольцова. Они вместе отобрали несколько стихотворений, и Станкевич отправил их в Петербург со своим рекомендательным письмом. Одно из них «Кольцо. Песня» и было напечатано в «Литературной газете». Это была одна из первых «русских песен» Кольцова. А через четыре года на деньги, собранные по подписке среди московских друзей, Николай Станкевич издал первый поэтический сборник «Стихотворения Алексея Кольцова. Москва, в типографии Н. Степанова, 1835». В книгу вошли «Видение няйки», «К другу», «Люди добрые, скажите», «К маленькому брату», «Не шуми ты, рожь», «Первая любовь», «Песня» («Ты не пой, соловей...»), «Путник», «Осень», «Размышления поселянина», «Пирушка сельских поселян» (в поздних изданиях «Сельская пирушка». — *Н.Б.*), «Сестре», «Совет старца», «Удалец»; в сборнике также опубликовано несколько стихотворений, ранее напечатанных в российских газетах и журналах: «Вздох на могиле Веневитинова» (газета «Листок» за 1831 г., № 22, 25 марта), «К Н...» (газета «Листок» за 1831 г., № 42—43, 3 июня), «Великая тайна» (журнал «Телескоп» за 1835 г., ч. 26), «Песнь пахаря» (в поздних изданиях «Песня пахаря»; газета «Молва» за 1835 г., № 11), — всего восемнадцать стихотворений молодого поэта, которому в тот год исполнилось 26 лет.

Первую книгу Алексея Кольцова прочитали издатель «Литературной газеты» Александр Пушкин, поэт Василий Жуковский, поэт и публицист князь Петр Вяземский, писатель и критик Владимир Одоевский, журналист, критик, издатель и редактор журнала «Московский телеграф» Николай Полевой, публицист Петр Чаадаев, литературный критик Василий Боткин, художник Алексей Венецианов, основатель газеты «Молва» и журнала «Телескоп» Николай Надеждин и редактор этих изданий Виссарион Белинский, писатель, литературный критик, помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения» Андрей Краевский, сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения» Януарий Неверов...

III

Неверову, как и Белинскому, принадлежат тоже две статьи о творчестве Кольцова. В российской литературной критике Неверов откликнулся на издание сборника стихотворений воронежского поэта вскоре после Белинского. Откликнулся по просьбе Станкевича, который писал Неверову 9 марта 1835 года из Москвы в Санкт-Петер-

Я.М. Неверов. 1863 г.

бург: «Мы издаем стихотворения Кольцова. Когда они выйдут, напиши об них в «Северной пчеле», что думаешь. <...> Пиши беспристрастно, ты, верю, найдешь в них хорошее, а недостатков не скрывай, ты выразишь их так, как может высказать их человек, уважающий чувство, в какой бы форме оно ни явилось».

В 1836 году в рубрике «Новые книги, изданные в России», «Журнал Министерства народного просвещения» (часть девятая) напечатал небольшую заметку Неверова. В ней он отмечал талант и природный ум поэта из народа: «Русские всегда славилась смышленостью, составляющей одну из отличительных черт народного их характера: нередко случалось им простым выводом свежего ума своего достигать до результатов, с трудом достигаемых наукою». Впервые в этой заметке Неверов сообщил биографические данные поэта: «Алексей Васильевич Кольцов, воронежский мещанин, 26 лет отроду, ремеслом прасол, т.е. торгующий скотом. Родители Кольцова не могли дать ему никакого образования, и, пробывши с небольшим год в уездном училище, он едва только выучился грамоте; а занятия, ожидавшие его

за порогом учебного заведения, отнимали средства к утолению жажды к чтению и науке, зароненные в душу его самою природою. <...> На шестнадцатом молодой прасол, ознакомившись с произведениями Дмитриева, Жуковского и других поэтов, начал сочинять стихи, слагая их по размерам читаемых им авторов. Труд, сперва неблагоприятный, не охладил его рвения, ибо душа сильно требовала гармонического выражения своих видений и своих целей: за дурными стихами последовали лучшие; наконец, начали изливаться стройные и прекрасные песни».

Отмечая главную особенность творчества Кольцова, Неверов писал: «...произведения поэта-прасола дышат оригинальной свежестью мыслей и картин, словом сильным и прекрасным, чувством верным и истинно русским».

Предвидя, что читателей «Журнала Министерства народного просвещения» будет интересовать, чему посвящает свои произведения воронежский поэт, Неверов писал: «Кольцов преимущественно поэт сельской природы и русского быта. Он пейзажист оригинальный, неподражаемый, который в простых группах и очерках, снятых, по видимому, наудачу с первого попавшегося на глаза предмета, умеет вдохнуть и прелесть, и жизнь, и даже мысль, иногда высокую, но всегда простую и натуральную — черта таланта истинного, тем более удивительно, что внушена поэту самою природою...».

В пример приводится «Песнь пахаря». «Но не одни сельские картины изображает нам новый поэт наш, — писал Неверов, — взор его широк и свободен; он проникает в тайны природы и в таинства души человеческой; любовь, радость, горе, веселье, разгул иногда являются у него в простой наивно-народной форме, иногда же извлекают звуки строгие и важные, такие, какие мы слышим от каждого истинного поэта».

Более подробная оценка поэтическому сборнику «Стихотворения Алексея Кольцова» содержится в статье Неверова, опубликованной в журнале «Сын Отечества», издававшегося известными в России журналистами первой половины XIX века Гречем и Булгариным.

«У нас так много является книжек и книг с надписью «Стихотворения», — писал Неверов в журнале «Сын Отечества» за 1836 год, — и в них так мало бывает того, чего мы требуем от стихотворений, что нельзя ставить в вину критикам, если они такие явления оставляют без внимания. Но книжка г. Кольцова стоила рассмотрения и оценки, потому уже, что она есть произведение поэта-самоучки, поэта-прасола (торговца скотом); притом же в ней встречается стих не выученный, не подслушанный, не выдуманный от нечего делать или из суетного желания записаться в длинную шеренгу так называемых *поэтов*, а простое, чистое и свободное излияние души, труд чистосердечный, которому автор жертвовал всем, не ожидая ничего в награду, даже не надеясь на известность, ибо не думал видеть свои стихотворения в печати...»

Неверов в статье «Поэт-прасол, Алексей Васильевич Кольцов» довольно подробно рассказал читателям его биографию: «Жизнь поэтов и художников должна быть известна публике; иначе она не может вполне понимать их, вполне им сочувствовать». Рассказывая о жизни 26-летнего поэта, Неверов писал: «г. Кольцов — поэт лирический. Сельский быт, природа, любовь, мечты, горе и радость жизни — вот естественные предметы, с которыми могла сродниться его муза; здесь он в своем кругу, на своем месте. Но иногда полет его расширяется: он парит далее, в ту сферу, доступ к коей возможен только при пособии науки или чтения внимательного, отчетливого. Там он снимает свою сельскую одежду и надевает общее европейское платье; но вы не заметите, чтоб ему было неловко в этом костюме, — он в нем свободен, оборотлив, не изменяет себе ни мыслью, ни выражением. Этот высший, если можно так назвать, тон занимался им прилежным чтением у Дмитриева, Жуковского и других поэтов, бывших его любимцами и образцами, и потому все стихотворения его разделяются на два рода, часто оригинальные и написанные под посторонним влиянием».

В последних, отмечал Неверов, у поэта «сглаживаются оригинальные черты его и мысль; в изложении форма, язык — все принимает общий колорит; поэт-прасол вмещается в толпу поэтов обыкновенных, в коей трудно его отметить какою-либо особою чертою». И, несмотря на это, Неверов писал, что и здесь «мысли его свежи, новы, отличаются какою-то особенною наивностью и простотою, а выражения приличны, грациозны. Одно уже это показывает в нем талант высшего разряда и заставляет нас думать, что если бы ему дано было образование, мы увидели бы его на высших ступенях поэтической славы».

Анализируя стихотворения Кольцова, включенные им в сборник 1835 года издания, Неверов отмечает, что поэт много писал, но напечатал только восемнадцать из них: «Собственный вкус поэта сказал ему, что ранние его стихотворения были скорее опыты, нежели произведения полные, оконченные, а потому он не представил их на суд публики». Тем не менее, критик сожалел о том, что может лишь приблизительно судить о первых поэтических трудах Кольцова и лишь догадываться о том, какой путь проделал поэт, «свыкаясь со стихом и покоряя его себе».

Неверов, прочитав книгу стихотворений Алексея Кольцова, встретился с ее редакторами и издателями. И был поражен, когда увидел, что рукопись написана человеком, не знающим даже грамматики. «Конечно, — замечал Неверов, — грамматические ошибки автора исправлены издателем; но мысль, но развитие мысли, иногда в высокой степени логическое, но истина выражения, грация стиха, его прелесть и сила — все это инстинкт таланта, уроки природы».

У Кольцова, утверждал Неверов, был самый редкий и дорогой наставник — природа. С ее помощью и помощью своего поэтического инстинкта, он «иногда возвышается до высокого в поэзии...»

Оценка Неверова о сборнике стихотворений Кольцова полностью совпала с мнением Белинского. В рецензии критика, опубликованной еще в декабре 1835 года, утверждалось: «Дар творчества дается немногим избранным любимцам природы, и дается им в неравной степени». Большая часть статьи Белинского посвящена исследо-

ванию вопроса, что же такое гений в литературе и чем он отличается от таланта. Кольцов, по мнению критика, «владеет талантом небольшим, но истинным, даром творчества не глубоким и не сильным, но неподдельным и не натянутым». «Кольцов <...> принадлежит к числу поэтов-самоучек, с тою только разницею, что он владеет истинным талантом», — такой вывод делает Белинский. Ему вторит Неверов: приветствуя выход сборника «Стихотворения Алексея Кольцова», критик делает вывод: «Кольцов идет вперед; талант его крепнет; этому доказательство мы имеем в находящейся у нас тетрадке новых его стихотворений». Заканчивая статью о Кольцове, Неверов ничего не посоветовал поэту, скажем, оставить ему свои торговые занятия и посвятить себя искусству.

«Пусть он останется честным и уважаемым гражданином, — писал Неверов, — и пусть идет тем путем, который указала ему природа и сила собственного таланта; пусть распевает свои прекрасные песни и вверяет нам свои мечты, жизнь души своей; мы с участием будем внимать этим простодушным и милым отголоскам и дадим ему только один совет: более читать, более обдумывать свою мысль, давать себе полный в ней отчет и внимательнее прислушиваться к гармонии стиха своего». Неверов считал, что самые лучшие для Кольцова наставники — инстинкт поэзии, которым он обладает, его собственное чувство и вкус. Именно они скажут ему, «что и как должно писать».

IV

О Януарии Михайловиче Неверове, критике книги «Стихотворения Алексея Кольцова», известно, что родился он, по официальным документам, в 1810 году, но, вероятнее всего, в 1812 году. Выходит, что ко дню знакомства с Кольцовым Неверову на самом деле было 23 года, а не 25. За плечами критика было безрадостное детство: в доме процветало пьянство, родители его постоянно ссорились. Сказывалось неравенство положения отца и матери, о которых известно немного. Мать Александра Петровна была внебрачной дочерью какого-то нижегородского помещика. Отец Михаил Григорьевич происходил из семьи священника, к тому же пьющей. Рассказывают, как однажды пьяная бабушка кинула в беременную сноху тарелку. Та хотела убежать из дому, но споткнулась на пороге и упала. Януарий родился слепым на один глаз...

О своих детских годах спустя годы Неверов поведал в автобиографических записках. Отрывки из его «Воспоминаний» публиковались в журнале «Русская старина» за 1880 и 1883 годы: «Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета: воспоминания Я.М. Неверова, 1834–1856 гг.», «Иван Сергеевич Тургенев в воспоминаниях Я.М. Неверова», «Страница из истории крепостного права: записки Януария Михайловича Неверова, 1810–1826 гг.» и другие.

Лето Неверов проводил в селе Верякуши Ардатовского уезда Нижегородской губернии, в имении деда. Спустя десятилетия он взволнованно писал о жизни в доме деда, о любви к нему, мальчику, дворни, научившей его начальной грамоте, о грубом деспотизме и самодурстве деда, содержавшего гарем, изуверское наказание конюшего и дворовой девушки... Все это потрясло шестилетнего Неверова, он возненавидел крепостное право: «...с тех пор рука моя осталась чиста на всю жизнь».

Неблагополучная обстановка в семье привела, в конце концов, к разводу родителей Януария. Неверов жил с матерью то в Верякушах, то в Арзамасе, где у Александры Петровны был небольшой дом. Но в 1822 году отец через суд вытребовал сына к себе. Мальчик был оставлен с отцом. Учебу в Арзамасском уездном училище Нижегородской губернии, куда его по настоянию матери отдал отец, Неверов завершил с отличием в 1825 году. Юноша мечтал о продолжении образования в гимназии. Но отец прибавил сыну два года и определил его канцелярским чиновником в Нижегородский магистрат. Служба у юного Неверова не заладилась: законов он не знал. Принимать решения помогал ему отец, сидевший в соседней комнате.

После восстания декабристов 1825 года Николай I уволил с должности губернатора Нижегородской губернии А.С. Крюкова, двое сыновей которого были причастны к событиям на Сенатской площади. Шла чистка и в Нижегородском магистрате.

Уволенный со службы Неверов-младший занялся самообразованием. В усадьбе его деда была большая библиотека. Неверов, самостоятельно изучив французский язык, читал французские романы и мечтал поступить в Московский университет. После кончины отца, последовавшей 7 марта 1827 года, Неверов решил податься в Москву. Мать, уступив просьбе сына, продала венчалный жемчуг, и на вырученные деньги собрала сына в дорогу. Память о материнском самопожертвовании не раз удерживала сына от безумных московских развлечений.

Неверов пришел в университет и узнал, что свидетельства об окончании Арзамаского уездного училища недостаточно для того, чтобы стать студентом. Абитуриент должен окончить еще курс гимназии или «выдержать соответствующие экзамены» в объеме гимназического курса.

«О некоторых науках, из которых я должен был экзаменоваться, я не имел ни малейшего понятия», — напишет Неверов в своей книге «Воспоминания».

В Москве Неверов познакомился с выпускником университета М.Н. Лихониным и студентом И.Н. Средним-Камашевым. Они согласились подготовить абитуриента к поступлению в университет. Но денег для жизни в Москве у Неверова не было, и он уговорил мать продать дом в Арзамасе. Получив деньги, Неверов вмиг осознал, что «прежний дилетантизм в занятиях уступил чувству долга». «Я понял, — писал позднее Неверов, — что мне необходимо вознаградить потерянную время и <...> подготовиться к главной моей цели — поступлению в университет».

Ежедневно за чаем Януарий давал отчет Лихонину об изученном материале предыдущим вечером, а за ужином показывал письменные работы. В мемуарах Неверова мы найдем такие строки: «Я не позволял себе ни малейшего уклонения от изучения необходимых для экзамена предметов, и в течение всего времени моей подготовки к университету не был ни разу даже в театре, а с утра и до поздней ночи сидел за учебниками». С математикой все обстояло иначе: «В занятиях моих с Камашевым математикой часто добрый мой наставник прерывал урок и по поводу какого-нибудь пропущенного мною нуля пускался в объяснения: что такое ноль? — символ бесконечности. Отвлеченное число... Что такое отвлечение? И тому подобные рассуждения часто наполняли большую часть урочного времени... При окраске преподавания в философские отвлеченности мои успехи в ней (математике. — *Н.Б.*) были очень слабы».

Весной 1828 года из Арзамаса пришло печальное известие: 28 марта умерла мать Неверова. В наследство сыну досталось 4200 рублей.

В августе 1828 года он подал прошение о допуске к экзаменам. На экзаменах юноша показал отличные познания в русской словесности, особенно по поэзии Державина, а с математикой вышел конфуз. Друзья советовали Януарию позаниматься еще год точными науками. Но за талантливого абитуриента вступился преподаватель Московского университета известный поэт, профессор-словесник Алексей Федорович Мерзляков, который попросил экзаменаторов по математике и физике «оказать мне снисхождение», «сказав, что я очень развитой юноша»... и «поступаю на словесный факультет», где математику и физику не изучают... «и я был принят», вспоминал Неверов.

Как свидетельствует формулярный список о службе директора училищ Ставропольской губернии коллежского советника Януария Михайловича Неверова за 1850 год, сохранившийся в Государственном архиве Ставропольского края, 10 сентября 1828 года он стал студентом Императорского Московского университета. Его приняли на словесный факультет. Учеба на первом и втором курсах радовала Неверова: общаясь с университетской молодежью, Януарий посещает литературные и танцевальные вечера, концерты. Примечательно, что в эти же годы в университете учились Белинский, Герцен, Гончаров, Лермонтов, Огарев...

На танцевальном вечере у приятеля Неверов познакомился со студентом-первокурсником Николаем Станкевичем, сыном воронежского помещика. Это мимолетное знакомство переросло затем в тесную дружбу. В тот вечер Неверов еще не знал, что через Станкевича судьба сведет его с Кольцовым. Когда в Москве возник организованный Станкевичем литературно-философский кружок, сыгравший огромную роль в идейной жизни России, Неверов стал его активным участником. Кружок посещали великий критик Виссарион Белинский, литератор Василий Боткин, востоковед Павел Петров, поэты Иван Ключников и Василий Красов.

В квартире Станкевича, которую он снимал в доме профессора Московского университета Михаила Григорьевича Павлова на Большой Дмитровке, вначале бывали его сокурсники. Но подружился он со студентом другого курса — Неверовым. По документам, Януарий Неверов на три года старше Станкевича. Но разница в годах не помешала им сохранить дружеские отношения на долгие годы. «Они сошлись», но не как «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень». Их духовные интересы и стремления были близки: Неверов мечтал стать писателем, Станкевич сочинял стихи. Их внимание привлекали литература, искусство, сфера изящного, вопросы жизни. Сохранилось тринадцать записок Станкевича к Неверову, в которых он в шутку называл Януария Генварем. Неверов жил за Садовым кольцом в доме известного в Москве литератора и музыканта Николая Александровича Мельгунова. Сюда, на этот адрес, и приходили записки Станкевича.

«Любезный Генварь! Приезжай, прошу тебя, ко мне побеседовать о бессмертии души и о прочем. Сегодня пятница: мы всегда видимся в этот день; меня так и тянет побеседовать с тобою...»

Дни, проведенные в Москве в обществе Станкевича, Неверов вспоминал до конца жизни, как самые яркие и радостные.

Но были не только радостные, были и горестные дни в жизни Неверова. На следующий год после смерти его матери, в 1829 году, в Оренбурге была зарегистрирована вспышка холеры. А 1830 году она охватила Центральную часть России. Особенно пострадала Москва: с сентября 1830 по март 1831 года от холеры умерли 4846 человек. К лету 1831 года холерная эпидемия охватила 48 губерний. Министр внутренних дел России повсюду ввел карантин: повсюду было разослано «Наставление к распознаванию признаков холеры, предохранению от оной и к первоначальному ее лечению». Практически было прекращено сообщение между городами, деревнями и селами. Повсюду на заставах, на почтовых станциях стояли карантинные посты. Была создана Центральная комиссия по борьбе с холерой, в которую вошли видные российские ученые. Они обобщили эпидемиологические наблюдения и пришли к выводу о том, что распространение болезни происходило в процессе контактов с больными, через воздух, вещи больного и трупы. За два года холера унесла в России 235 тысяч жизней.

Судьба уберегла Неверова: он не заболел. Занятия в университете, прерванные эпидемией, возобновились зимой наступившего 1831 года, но, так как они велись с недочетами, этот учебный год Януарию не зачли. Весной 1832 года, когда Станкевич переходил на третий курс, Неверов закончил университетский курс русской словесности, успешно сдал «публичные экзамены» и в звании кандидата стал готовиться к поступлению на службу.

Но обстоятельства сложились таким образом, что ему предложили место в Министерстве народного просвещения. В 1833 году Неверов, оставив Москву, переехал в Санкт-Петербург и получил назначение на должность помощника редактора создаваемого «Журнала Министерства народного просвещения».

Молодой журналист готовил обзоры литературных журналов, полемизировал с В.Г. Белинским о творчестве Н.В. Гоголя, в свободные часы читал письма Станкевича, который жаловался ему: «С тех пор как ты уехал, мне не с кем говорить об искусстве...» Но жизнь продолжалась. После отъезда Неверова в Санкт-Петербург Станкевич

обрел новых друзей. «Ко мне ходят Строев, Беер, Красов, Почека и чаще Ефремов... — писал он Неверову в мае 1833 года. — Много есть людей с чувством, но не многие способны симпатизировать, углубляться в чужое чувство и усвоить его...»

Через месяц Неверов получил от Станкевича новое письмо: «Строев, Почека, Ключников, Оболенский, Красов, Ржевский, все тебе кланяются, Ефремов тож, Шидловский тож. Горчаков тоже свидетельствует тебе нижайшее».

В апреле 1835 года Станкевич сообщил Неверову о том, что редактор журнала «Телескоп» Николай Иванович Надеждин уехал за границу и передал права на его издание В.Г. Белинскому, а «все мы беремся помогать ему». Коллективное участие в делах журнала проявилось и в помощи Алексею Кольцову. Александр Станкевич, брат Николая Станкевича, вспоминая о его отношении к самобитному поэту: «Кольцов, человек и поэт, были предметом его любви». Николай Станкевич и его друзья открыли для русской литературы поэта, книжка стихотворений которого и знакомство с ним так восхитили Неверова. На стихи Кольцова, писал Неверов, «откликнется всякое сердце, способное сочувствовать простой и свободной поэзии, не закутанной в условное платье».

В письмах, адресованных литературному критику В.Г. Белинскому, издателю А.А. Краевскому, востоковеду, профессору Санкт-Петербургского университета В.В. Григорьеву, Алексей Кольцов поминает добрым словом Я.М. Неверова.

Из письма В. Белинскому от 8 марта 1836 года: «Известный вам довольно Януарий Михайлович г. Неверов о быте моем составил биографию (которая печатается в «Сыне Отечества»). Из письма А.А. Краевскому от 22 мая 1836 года: «Януарию Михайловичу с сею же почтою я послал «Молодую жницу»; пожалуйста, прочтите ее. Если она не годится в «Современник», то киньте в Неву. «Умолкший поэт» я отдал в «Телескоп», и, кажется, бранить не будете. Еще другие вам пришло в скором времени. Теперь ничего стихотворного не делаю, и проза в голове ходит черт знает все какая!»

Из письма А.А. Краевскому, Я.М. Неверову и В.В. Григорьеву от 2 июля 1836 года: «Добрые и любезнейшие мои Андрей Александрович, Януарий Михайлович и Василий Васильевич! Дай бог здоровья вам, дай бог веселья вам, — вот все, что желаю вам я от души. Благодарю, благодарю сердечно вас за память вашу обо мне, благодарю за письма ваши: много принесли они мне радости и минут отрадных; да за ваши ласки, за все то, что вы для меня и сделали и делаете. Кажется, никто в целом свете скудней не платится, как я. Грустно и думать и не иметь силы выполнить то, что выполнить надо... В степи ездил только раз, и то на скорую руку...»

Из письма А.А. Краевскому от 12 февраля 1837 года: «Об издании моей книги очень жаль, что вы об ней так много беспокоитесь: невозможного сделать невозможно. Вы хлопчете, чтобы ее продать какому-нибудь книгопродавцу. За нее дорого дать никто не согласится, а если 300 или 500 рублей, то и хлопотать нечего: такие безделицы продавать дороже стыдно. В теперешнее время она более ничего, как ветошь; а ветошь когда была в цене? Если вы все те же и если ваше желание не переменялось, то позвольте просить вас вот о чем. Сберите все пьесы, какие остались у вас в рукописи, прибавьте к ним, какие я посылал Януарию Михайловичу; после же разбросайте по ним напечатанную книжку, — и выйдет под шестьдесят. Расположите, как признаете лучше. Януарий Михайлович обещался прибавить к ним свою статейку, и вы, с своей стороны, прибавьте то, что прибавить хотели, — и будет славная книжка...»

Кольцов надеялся, что Краевский и Неверов помогут ему с новым изданием книги стихотворений. Ему очень хотелось напечатать книжку на хорошей бумаге, и чтобы выглядела она пороскошной.

Когда Неверов по зову друзей и, прежде всего, Станкевича оставил Санкт-Петербург и отправился в Германию для продолжения образования, Кольцов в письме А.А. Краевскому от 16 июля 1837 года написал: «А об Януарии Михайловиче и слух совсем застыл: слышал мельком, что поехал он в чужие края путешествовать. Дай бог ему здоровья, в добрый час!»

В письме В.Г. Белинскому от 14 февраля 1838 года Кольцов еще раз вспомнит Неверова добрым словом: «Любезнейший Виссарион Григорьевич! Станкевич, Неверов и Грановский через почту пишут письма к Григорьеву, — письма из-за границы. Как видно, живут они весело втроем. Здесь Григорьев выхлопотал для Неверова, чтобы его в Берлине приняли в университет на казенный счет слушать лекции два года. После он придет в Россию; после испытания дадут профессорство, — это для Неверова, слава богу, хорошо. <...> Вчера у [художника] Венецианова за обедом пили здоровье в день рождения Неверова».

Станкевич, Грановский и Неверов были вольнослушателями в Берлинском университете, где два года изучали философию.

В 1839 году Неверов возвратился в Россию. Профессором он не стал, как предсказывал Кольцов. Профессором стал Тимофей Грановский: после возвращения в Россию его назначили преподавателем всеобщей истории в Московском университете. Станкевич уехал в Италию с надеждой вылечиться в ее целебном климате от туберкулеза. Но улучшения не последовало, и в ночь с 24 на 25 июня 1840 года Станкевич умер во сне, в гостинице небольшого городка Нови, знаменитом тем, что когда-то здесь Суворов одержал одну из своих побед.

V

Возвратившись в Россию, Неверов на приеме у министра народного просвещения С.С. Уварова неожиданно узнал, что он не сможет продолжать журналистскую карьеру и направляется в Ригу на должность инспектора гимназии. В Рижской гимназии Неверов прослужил шесть лет. Это были непростые для Януария Михайловича годы: здесь его застала весть о смерти Алексея Кольцова, она отозвалась в его сердце болью и грустью. Не складывались отношения и с преподавателями: первоначально они (в основном это были остзейские, т.е. прибалтийские, немцы) относились к новому инспектору с высокомерием. Но Неверов, неплохо владевший немецким языком, сумел найти подход и к преподавателям, и к гимназистам, они стали проявлять интерес к русскому языку и русской литературе, просили его дать почитать русские книги. Возможно, Неверов так бы и остался в Риге, но его зрение резко ухудшилось, и он попросил перевести его в другую гимназию. В 1846 году Неверов получил назначение в Чернигов на должность директора училищ. В краеведческой литературе о Неверове пишут как о гуманисте, который улучшил преподавание в Чернигове, отменил телесные наказания учеников и унижительное «коленипоклонение». О Неверове писали, что он намного опередил (более чем на десятилетие) великого хирурга и выдающегося педагога Н.И. Пирогова, который в своей статье «Надо ли сечь детей и притом в присутствии других детей?» высказался за резкое сокращение физических наказаний и, в первую очередь, порки, но не за полную отмену ее. С ним дружил черниговский гражданский губернатор П.И. Гессе. Именно Павел Иванович добился отмены 12-летнего негласного полицейского надзора, о котором Неверов даже и не знал.

Но и в Чернигове здоровье вновь подвело Януария Михайловича: зрение его снова ухудшилось, и он, узнав, что министр ищет кандидата на должность директора училищ Ставропольской губернии, подал прошение о переводе.

Приказ о переводе Неверова в Ставрополь последовал 26 октября 1850 года, подписал его император Николай I. С этого дня и вплоть до ноября 1878 года народное просвещение в Закавказье и на Северном Кавказе связывают с именем Януария Михайловича Неверова. 28 лет жизни он посвятил Кавказскому краю и вошел в его историю как выдающийся организатор народного просвещения.

Неверов приехал в Ставрополь 28 декабря 1850 года, повторив маршрут Александра Пушкина, когда поэт с семьей генерала Раевского впервые, в 1820 году, посетил город, который именовали не иначе, как «Парижем Кавказа».

Вступив в должность 2 января 1851 года, для представления начальству Неверов выехал в Тифлис. Неверов встретил «в Тифлисе весьма благосклонный прием как от попечителя, так и от главного начальника края князя Воронцова».

Наместник кавказский, князь и генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов, генерал-губернатор бессарабский и новороссийский, участник Отечественной войны, тяжело раненный при Бородино, ознакомившись с формулярным списком Неверова, отзывами о его службе, подписал документы о назначении Януария Михайловича на должность директора народных училищ в Ставрополе. Конечно же, он знал о его учебе в Московском университете, затем в Берлине, успешной педагогической деятельности в Риге и Чернигове. И, похоже, был доволен, что Ставропольскую гимназию возглавит столь высокообразованный и знающий педагог, владеющий несколькими языками.

Неверов тоже остался доволен встречей с Воронцовым. Знал, что Михаил Семенович способствовал развитию культуры и образования на Кавказе. В частности, в Ставрополе в 1845 году был открыт первый на Северном Кавказе театр, с 1 января 1850 года стала издаваться газета «Ставропольские губернские ведомости». При Неверове в 1852 году открыта Публичная библиотека (в 2017 году она отметила свое 165-летие. — *Н.Б.*), в 1853 году — первый музей...

Тем не менее, на образовательном поприще проблем было много. На практике, к примеру, со дня образования и до приезда Неверова гимназия в Ставрополе, как писал известный историк народного образования на Кавказе М.С. Коршунов, «отличалась чрезвычайным низким уровнем преподавания и успеваемости, катастрофическим состоянием дисциплины».

«Осмотревшись несколько в гимназии и вообще в дирекции, — писал Неверов в автобиографических заметках, — я убедился в неотложной необходимости произвести в них радикальные изменения, так как уездные и вообще низшие училища наполнены были учителями, большинство коих понимали дело обучения в задавании уроков по учебнику и требовании, чтобы они зазубривались слово в слово, нимало не заботясь о том, понимают ли учащиеся этот материал».

Знакомясь с нравами в училищах, Неверов отметил неквалифицированность учителей, низкий уровень преподавания и успеваемости, зубрежку учеников по учебникам «от сих до сих», как говорится, «слово в слово». Еще в Чернигове Неверов пришел к пониманию, что преподавание должно быть более осмысленным, а «зубрильные» ответы гимназистов отличались бы живой речью.

VI

Во времена Неверова Ставропольская (губернская) мужская гимназия стала духовным центром всего Северного Кавказа. Она прославилась ежегодным конкурсом на лучшее сочинение по истории и родному языку. В них участвовали учащиеся 6–8-х и специальных классов. До Неверова сочинения такого рода писали выпускники российских университетов. Из биографии русского и украинского писателя, выпускника Санкт-Петербургского императорского университета Даниила Лукича Мордовцева известен такой факт: в 1854 году за сочинение по кафедре славянских наречий «О языке «Русской правды» он был удостоен золотой медали.

В 1851 году на праздновании четырнадцатой годовщины открытия гимназии Неверов сообщил, что ежегодно 18 октября будут подводиться итоги конкурса на лучшее сочинение на русском языке. Поддержав нововведение Неверова, управление попечителя Харьковского учебного округа позволило Януарию Михайловичу тратить 35 рублей серебром «для награды за лучшее сочинение на русском языке». До Неверова большая часть сочинений гимназистов писалась на иностранных языках.

Новация просветителя заключалась и в том, что гимназисты представляли не класс-

ные сочинения, которые они писали чуть ли не ежемесячно, а конкурсные, которые могли готовить чуть ли не целый год и подчеркивать «самобытное развитие учащих-ся», самим делать выводы из прочитанного.

Итоги первого конкурса сочинений педагогический совет гимназии огласил 18 октября 1852 года. Лучшим, по мнению педагогического совета, признали сочинение «О русской народной поэзии» Георгия Кананова. На юбилейном торжественном собрании Неверов вручил победителю полное собрание сочинений В.А. Жуковского в бархатном переплете. Четвертого ноября 1852 года сочинение Кананова «О русской народной поэзии» напечатали «Ставропольские губернские ведомости». Получив письмо Неверова о результатах конкурса сочинений, попечитель учебного округа прислал распоряжение о проведении ежегодного конкурса между учащимися на лучшее сочинение на русском языке. Так утвердилась яркая традиция гимназической жизни.

По инициативе Я.М. Неверова в гимназии выходил рукописный «Литературно-учебный журнал». «Эти конкурсы, — вспоминал Неверов, — возбудили такое сильное сочувствие, что они (гимназисты. — *Н.Б.*) с моего разрешения завели гимназический журнал, в котором переписывались эти сочинения для чтения всех товарищей».

К сожалению, журнал до сих пор не обнаружен. Но в Москве, в личном архивном фонде Я.М. Неверова, хранящемся в Государственном историческом музее, как установил исследователь истории образования на Кавказе, краевед М.С. Коршунов, есть рукописный альманах «Елка», подаренный гимназистами директору под новый 1854 год. В нем содержатся лучшие сочинения гимназистов за 1853 год.

Конкурсы сочинений были ежегодными, вплоть до 1862 года. Позднее они тоже были, но проходили нерегулярно. Многие темы сочинений связаны с творчеством М.Ю. Лермонтова, его «кавказскими» произведениями. Лучшие сочинения гимназистов печатали в газете «Ставропольские губернские ведомости», а выдержки из сочинения осетина Иналуко Тхостова «Кавказ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову» опубликовали «Отечественные записки». Сочинений ставропольских гимназистов о творчестве воронежского поэта Алексея Кольцова не обнаружено. Но известно следующее: в квартире Январия Неверова в Ставрополе висел портрет поэта, выполненный художником Алексеем Венециановым. Неверов упоминает о портрете Кольцова в письме исследователю жизни и творчества поэта М.Ф. Де-Пуле, отправленном из Железноводска 10 июля 1872 года: «...подарок Кольцова — его портрет сохранился у меня до сего времени». К сожалению, портрет Кольцова работы А.Г. Венецианова не найден, более того, он вообще неизвестен искусствоведам.

Конкурсные сочинения для гимназистов, организованные Я.М. Неверовым, побудили их к действию, к новым открытиям и обогатили русскую литературу и русскую педагогику.

Через 92 года в России сочинение по русскому языку и литературе для выпускников средних школ стало обязательным. «По русскому языку и литературе, по родному языку и литературе, по алгебре, геометрии и тригонометрии экзамены проводятся письменные и устные; по всем остальным предметам — только устные. Устный экзамен по языку проводится одновременно с экзаменом по литературе», — гласила Инструкция наркома просвещения СССР о проведении экзаменов на аттестат зрелости от 9 октября 1944 года. Новая система школьного образования во многом следовала дореволюционному гимназическому уставу.

Через 150 лет, в 2002 году, в Ставрополе вспомнили о сочинениях гимназистов выдающегося организатора просвещения Я.М. Неверова. Преподаватели Ставропольского государственного университета достали их тексты из архивов и опубликовали в книге «Глагол будущего». Интерес к ним у читателей, исследователей был настолько велик, что за четыре года книга выдержала три издания.

О Неверове сегодня больше пишут, как о выдающемся организаторе просвещения, но он еще и педагог-просветитель, публицист, литературный критик, оставивший после себя огромное, бесценное литературное и педагогическое наследие. Среди его статей — «Взгляд на историю русской литературы», «Поэт-прасол, Алексей Васильевич Кольцов», «Стихотворения Алексея Кольцова», «К вопросу о наших гимназиях», «О том, что нужно для народного образования в России», «Подвижник и подвижница» (о святом Серафиме Саровском) и многих других — исследователи особо выделяют «Нравственный кодекс для учеников высших классов гимназий, начиная с V класса, и вообще для юношеского возраста», положения которого актуальны и для школы XXI века.

Неверов сформулировал для гимназистов всего четырнадцать правил: «Люби Бога больше всего»; «Люби своего Государя и Отечество»; «Люби науку и посвяти ей себя вполне»; «Люби наставников и уважай их»; «Люби труд и не теряй понапрасну времени»; «Люби училище и береги честь его»; «Люби своих товарищей и живи с ними в мире»; «Люби ближнего и будь вежлив со всеми»; «Помни слова Священного Писания: «Блажен иже и скоты милует» (Это значит: не обидь вола, который работает на тебя, и счастлив тот человек, что милует животное.); «Смотри за самим собой»; «Храни чистоту души и тела»; «Остерегайся от займов и вообще всяких денежных сделок»; «Вверенную тебе должность исправляй честно и добросовестно».

«Кто любит Россию, тот должен, прежде всего, желать распространения в ней образования», — таков главный лейтмотив кодекса Неверова.

В 1878 году здоровье просветителя резко ухудшилось: он почти потерял зрение и вынужден был подать в отставку. Александр II, присвоивший ему титул тайного советника, предложил Януарию Михайловичу должность сенатора. Но Неверов отказался, считая, что недостаточно хорошо знает законы. Император все же назначил его членом Совета Министерства народного просвещения.

Покидая Ставрополь, Неверов оставил о себе добрую память, педагогические статьи, разработки, планы. Его гуманистические идеи актуальны и в наши дни, поскольку основаны на вечных ценностях: добре, справедливости, уважении к личности ребенка и преподавателя. Нельзя не заметить: 140 лет отделяет нас от времени деятельности Неверова, а ситуация в российском образовании по-прежнему оставляет желать лучшего. Учительство и сегодня во многом зависит от прихоти чиновника. Януарий Михайлович считал, что школа должна готовить не узких специалистов, а людей с широким кругозором, мыслящих и переживающих за судьбу своего Отечества...

Печально, но о Януарии Михайловиче Неверове сегодня в Ставрополе почти ничего не напоминает. На старом здании Ставропольской мужской гимназии есть мемориальная доска, но его имени на ней нет. От полного забвения Неверова спас Михаил Семенович Коршунов (1930–2016), неутомимый исследователь истории развития образования в Ставропольской губернии, Ставропольской мужской гимназии, на протяжении сорока лет публиковавший о нем статьи, очерки. В 2013 году при поддержке Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета и Ставропольской краевой универсальной научной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова «рыцарь истории», как называли М.С. Коршунова, издал «Избранные труды по истории просвещения на Северном Кавказе». Объем книги 730 страниц. Свою книгу он посвятил 175-летию Ставропольской губернской мужской гимназии и 200-летию со дня рождения Я.М. Неверова.

Примечательно, что каких-то полтора столетия назад не было традиции ставить памятники поэтам, да еще в центре городов. Памятник Алексею Кольцову в Воронеже установили в 1868 году. По всей Руси тогда только четыре поэта удостоились такой чести: Ломоносов (памятник открыт в Архангельске в 1829 г., в Москве — в 1877 г.), Карамзин (в Симбирске в 1845 г.), Державин (в Казани в 1846 г.) и Крылов (в Санкт-Петербурге в 1855 г.). Кольцов опередил даже Пушкина, которому поставили памятник в Москве в 1880 году.

На протяжении последних 110 лет при подготовке книг из литературного наследия А.В. Кольцова, будь то «Полное собрание сочинений» в серии «Академическая библиотека русских писателей» 1909 года или «Полное собрание стихотворений» в серии «Библиотека поэта. Малая серия» издательства «Советский писатель» 1939 года; «Стихотворения» в серии «Библиотека поэта» издательства «Советский писатель» 1948 года; «Сочинения» Государственного издательства художественной литературы 1955 года; «Полное собрание стихотворений» издательства «Советский писатель» 1958 года, — издание Н. Некрасова и Н. Прокоповича со вступительной статьей В. Белинского служило образцом их составителям и издателям.

Алексея Васильевича Кольцова часто называют визитной карточкой Воронежа. Действительно, имя поэта в городе звучит чаще остальных: Кольцовская улица, драматический театр имени А.В. Кольцова, гимназия имени А.В. Кольцова, Кольцовский сквер, два памятника Кольцову, кафе, рынок и даже конфеты «Песни Кольцова». В чем феномен такой влюбленности Воронежа в поэта? И почему воронежцы так трепетно хранят о нем память? А разве только они?

В первом послевоенном 1946 году Ставропольское книжное издательство начало издавать серию книг «Библиотека русских поэтов». Открывали серию «Избранные стихи А.В. Кольцова» тиражом десять тысяч экземпляров. Представляя книгу, издательство писало о Кольцове: «Он пропел гимны творческому труду, преобразующему природу, что особенно дорого нам, гражданам великой державы, где свободный труд стал «делом доблести, чести, славы и геройства», залогом грядущего изобилия с невиданным размахом культуры народа. Стихи Кольцова просты, как все подлинно прекрасное».

Мы живем в другое время: оно принесло в нашу жизнь новые потребности, новые идеи, меняется русское общество и обгоняет Кольцова, Белинского, Неверова... Но как бы далеко оно не ушло, перефразируя Белинского, оно всегда будет любить песни Кольцова, его стихи, всегда будет останавливать на нем, на его творчестве «исполненный любви и благодарности взор...»

